

Эстетика «серебряного века» в оценке А. В. Пешехонова

Протасова О. Л.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Тамбовский государственный
технический университет», Тамбов

В статье анализируется отношение видного представителя отечественной публицистики либерально-народнического направления Алексея Васильевича Пешехонова к событиям, процессам и формам культурной жизни России начала XX в. Этот период принято называть «серебряным веком» русской культуры. Свои мысли Пешехонов излагал главным образом в журнале «Русское богатство», где был одним из ведущих сотрудников в течение почти двадцати лет. После первой русской революции политическая жизнь России несколько затихла, и основное внимание неравнодушной к судьбам отечества интеллигенции переключилось на культуру и мораль. А. В. Пешехонов, классический представитель народнической идеологии, отражавшейся в его беллетристике, категорически не принимал новых стилей, жанров, направлений в литературе и искусстве, оставаясь верным реализму – течению, которое, по его мнению, единственное может правдиво отражать духовную жизнь народа и служить народу.

Ключевые слова: А. В. Пешехонов, либеральное народничество, неонародничество, журнал «Русское богатство», публицистика, реализм, общественно-политическая и культурная жизнь России.

(Искусство и культура. — 2013. — № 1(9). — С. 74-79)

Aesthetics of «silver age» in the assessment of A. V. Peshekhonov

Protasova O. L.

Federal state funded educational establishment of higher professional education
«Tambov State Technical University», Tambov

The article studies the attitude of Alexey Peshekhonov – an outstanding representative of Russian liberal-populist trend – to events, processes and shapes of the early 20th c. Russian cultural activities usually considered as the «silver age». A. V. Peshekhonov stated his opinion mainly in «Russian Treasure» magazine, being its leading author through almost two decades. Russian political life somewhat calmed down after 1905 Revolution, so the intelligentsia, not indifferent to Fatherland's destiny, turned to culture and moral issues. A. V. Peshekhonov as a «classical representative» of the populist thought, mirrored in his fiction, rejected categorically new cultural and art styles, genres, trends, being devoted to realism which, he believed, was the only true reflection and servant of Russian people's spiritual life.

Key words: A.V. Peshekhonov, liberal populism, neo-populism, «Russian Treasure» magazine, publicism, realism, Russian social-political and cultural activities.

(Art and Culture. — 2013. — № 1(9). — P. 74-79)

В последней четверти XIX – начале XX в. одним из наиболее заметных журнальных изданий России был толстый ежемесячник «Русское богатство», детище писателей-публицистов либерально-народнического направления. В отечественной (а тем более – зарубежной) истори-

ографии отсутствуют труды, посвященные этому значительному явлению русской общественной и культурной жизни. Уже поэтому анализ, хотя бы частичный, некоторых сюжетов и страниц его истории представляется новым и актуальным. В советские времена творчество писателей-народни-

Адрес для корреспонденции: e-mail: olia.protasowa2011@yandex.ru – О. Л. Протасова

ков, конечно, изучалось, но крайне одно-сторонне, с точки зрения полезности их как «певцов народного горя». В то же время их обвиняли в недостаточной революционности, ведь писали они обычно не о пролетариях, а о крестьянах. В постсоветское время народничество как научная проблема и вовсе уступает место другим – появилась возможность изучать ранее запрещенные темы или пересматривать отношение к изученным тенденциозно. Между тем народничество и неонародничество (так называли последователей народнической мысли с 1890-х гг.) – знаковые явления не только в общественно-политической, но и в культурной жизни России. Среди народников немало людей, которых смело можно назвать выдающимися деятелями культуры: Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, С. П. Мельгунов, А. В. Пешехонов и другие.

Цель данной статьи – анализ публицистической и литературно-критической деятельности начала XX в. одного из самых видных представителей либерально-народнического направления в отечественной публицистике, сотрудника журнала «Русское богатство» Алексея Васильевича Пешехонова.

Наиболее наглядными иллюстрациями отношения Пешехонова к процессам русской культуры служат, на наш взгляд, материалы журнала «Русское богатство» и источники из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933) – одна из ярчайших фигур неонародничества. Выходец из многодетной семьи сельского священника Тверской губернии, в трехлетнем возрасте лишившийся отца и вскоре принявший на себя заботы о многочисленном семействе, этот типичный «разночинец» исключительно своим талантом, энергией, умом, страстным желанием быть полезным стране и народу добился многого в жизни. Даже те, кто впоследствии стали его идейными оппонентами, признавали незаурядность его натуры, а главное – кристальную честность и исключительную порядочность. Не получив в юности систематического образования, А. В. Пешехонов тем не менее овладел многими профессиями и знаниями, особенно

в области экономики. Зная природу и нравы деревни и крестьянства «изнутри», он был одним из наиболее авторитетных теоретиков-аграрников. Этим, однако, круг его интересов далеко не ограничивался: Пешехонов был чрезвычайно активен и как общественный и политический деятель, он стоял у истоков народно-социалистической партии, а в 1917 г. три месяца был даже министром Временного правительства. Позже, в эмиграции, он фактически стал зачинателем движения за возвращение в Россию.

Писательскую школу Алексей Васильевич проходил у знаменитого Владимира Галактионовича Короленко, прозванного «совестью русской интеллигенции». В течение многих лет их связывала тесная и преданная дружба. Все, что делал Учитель, для Пешехонова являлось заповедями. Так, по Пешехонову–Короленко, писатель не должен быть абстрактен, исходить из общих схем, дедуцировать. Нужно накапливать материал, записывая и систематизируя его, а затем стремиться к синтезу. Статья должна быть всегда как можно более сконцентрированной.

Пешехонов сознавался, что к беллетристике он подходил с точки зрения занимательности: «Возьму рукопись на ночь – и если не засну, значит, автор даровит» [2, с. 79]. Помимо дарования от автора, по его мнению, требовалось бережное и точное обращение с фактами.

По теплым воспоминаниям литератора Д. А. Лутохина, враждавшего в околелитературных кругах и хорошо знавшего писательский бомонд, мы можем судить о том, сколь авторитетен был Пешехонов в писательской среде, несмотря на неоконченное образование. Помимо яркого и узнаваемого стиля, у него была смелость, точнее, бесстрашие – и ни преследования цензуры, ни критика оппонентов в печати его не обескураживали. «Запустить парфянскую стрелу в стан врагов и потом наблюдать смятение, вызванное в этом стане, – большое наслаждение» [2, с. 80], – говаривал он. И в России, и позже, в изгнании, когда он оказался под настоящим обстрелом критики с самых разных сторон, он не без любопытства читал отклики писательских «собратий», собирал эти статейки и составил изрядную коллекцию вырезок о себе самом. Он никогда не боялся остаться «один в поле не воин».

Д. А. Лутохин замечал: «Тогда как часто и большие люди плохо переваривают суд над собой, даже суд глупца, – нервничают, омрачаются – А. В. не без удовольствия знакомился с резкими выпадами против себя, ибо всегда был уверен, что сумеет противнику воздать сторицей» [2, с. 80].

Завершая портрет Пешехонова-публициста, нельзя не привести слова о нем того же Лутохина, мнение которого разделяли многие коллеги по перу. «Громадный ум, честный ум, ум, всегда доделывающий до конца логическую работу, побуждает А. В. не размениваться на мелочи, а брать большие вопросы и подходить к ним с какой-нибудь новой стороны. Вероятно, из Пешехонова вышел бы первоклассный ученый, если бы не отврат к теории и не жгучая потребность разрешения практических вопросов русской действительности. Но умение отвлечься от мелочей и способность объективно анализировать и ставить точные диагнозы пригодились ему и как публицисту» [2, с. 181].

В своей богатой событиями жизни А. В. Пешехонов сотрудничал со многими изданиями, но главным его публицистическим поприщем было «Русское богатство». В этом издании Пешехонов работал с 1899 г. вплоть до его закрытия большевиками в 1918 г.

«Русское богатство» – один из солиднейших журналов дореволюционной России. Круг освещавшихся в нем вопросов был разнообразен: в журнале печатались оригинальная и переводная беллетристика (романы, повести, рассказы, стихи), воспоминания, записки, научные статьи по философии, истории, социологии, праву, экономике, общим проблемам естествознания, хроники внутренней и иностранной жизни, корреспонденции из разных стран Европы, критические материалы и отзывы о новых книгах.

В истории журнала, основанного в 1876 г., были три важнейших периода. Первый связан с редакторством Н. Н. Златовратского. В это время в «Русском богатстве» сотрудничали такие демократические публицисты, как С. Н. Кривенко, П. В. Засодимский, Н. И. Наумов и др. В 1883–1891 гг. «Русское богатство» издавалось А. В. Оболенским. В тот период в журнале стали пропагандироваться религиозно-нрав-

ственные взгляды Л. Н. Толстого. Наконец, третий период его истории начался, когда руководство им принял на себя Н. К. Михайловский – виднейший представитель народнической мысли. Именно тогда к журналу примкнули публицисты-народники Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков, Н. Ф. Анненский, а затем и Пешехонов.

По словам А. И. Герцена, у лишенного свободы народа трибуной является литература. «Русское богатство» достойно продолжало демократические традиции «Современника» и «Отечественных записок». После смерти в январе 1904 г. Михайловского редакцию «Русского богатства» возглавил В. Г. Короленко. Политические единомышленники, члены редакционного комитета (Пешехонов вошел в редакцию журнала в 1904 г.) на своих «четвергах» обсуждали не только материалы журнала, но и вопросы грядущего освобождения России «от самодержавного деспотизма и экономического рабства», вдохновляясь идеями эволюционного социализма, нравственного прогресса, гармонического развития личности.

Тематический диапазон творчества Пешехонова. В настоящей статье мы проанализируем элементы публицистической деятельности Пешехонова в самый, пожалуй, плодотворный для него период – между двумя революциями, когда рупором общественных и политических взглядов для многих в силу затишья на государственной арене стала журналистика. Революционные партии ушли в подполье; общественная мысль переключилась на изучение уроков недавнего катаклизма. На первый план выдвинулся «серебряный век» со своей оригинальной философией, художественными исканиями, эпатажем. Часть русского общества, равнодушная к прекрасному и к тому же уставшая от политических потрясений, кровопролитий русско-японской войны и революции 1905–1907 гг., с головой окунулась в водоворот нового, захватывающего, иногда «стыдного» – то есть того, чего в традиционной, привычной, прозаичной школе отечественного реализма не было и в помине. Другая часть общества осталась верна прежним, испытанным идеалам и принципам, безмерно раздражаясь художественными «новинками». В этом числе ока-

зались и народники, люди зрелые, с устоявшимися жизненными принципами.

Основным содержанием работы А. В. Пешехонова в указанный период стало сотрудничество в «Русском богатстве», где он не первый уже год вел хронику внутренней жизни России, откликаясь на важнейшие события. Проблематика его статей существенно расширилась по сравнению с прошлым, чисто «политико-хозяйственным», периодом. Теперь его интересы простирались и в области морали, эстетики, художественной литературы, не оставляя в то же время в тени и экономику вкупе с политическими событиями. Тематический диапазон его литературных трудов был очень широк – от злободневных политических комментариев до откликов на модные тогда религиозный и половой вопросы. Ни один из них, считал Пешехонов, не был и не мог быть решен, так как «все они всплывали и ставились вне связи с задачами, какие выдвинула история, и с нуждами, какие назрели в народной жизни» [8, с. 127]. Неудовлетворенность не оставляла его: «Давно, – быть может, никогда, – русская интеллигенция не жила такой изолированной жизнью, какой она живет в последние годы, как будто стена какая стоит между этой жизнью и народной» [8, с. 128]. Пешехонов сетовал, что русская интеллигенция в большинстве своем утратила интерес к народу, забыла о нем, занявшись обсуждением своих проблем. Отсюда обратная связь: он думал, что именно это отчуждение от народа стало одной из главных причин подавленного настроения интеллигенции, утратившей радость общения с массами.

То, что Пешехонову, да и не ему одному, казалось безвременьем, спустя десятилетия видится вполне нормальной разносторонней общественной жизнью, которая не может пробавляться одной только политикой. Недостаток острых политических ощущений с лихвой компенсировался невиданным всплеском культурной активности. Как писал в 1914 г. выдающийся знаток русской культуры рубежа XIX–XX вв. профессор С. А. Венгеров, началом, объединяющим общественника М. Горького и индивидуалиста К. Бальмонта, реалиста И. Бунина, символистов В. Брюсова, А. Блока и А. Белого с экспрес-

сионистом Л. Андреевым и натуралистом М. Арцыбашевым, пессимиста-декадента Ф. Сологуба и оптимиста А. Куприна, был вызов традициям обыденщины, устремление «ввысь, вдаль, вглубь, но только прочь от постылой плоскости серого прозябания» [1, с. 234–235].

Это было время философских, художественных исканий, рождения новых путей в различных отраслях человеческого знания, переоценки ценностей в области морали, этики, чему события начала века дали обильную пищу. Большинство этих новых веяний отрицательно воспринимались мэтрами народнической мысли как проявления аморализма, упадка, обскурантизма. В них видели верных спутников столыпинской реакции. Имена Ремизова, Арцыбашева и других типичных представителей «серебряного века» были для Пешехонова и людей его духовного склада одиозными. Народники были воспитаны на реализме, сами выражали это художественное направление и воспринимали только реализм. Порой, не затрудняя себя тонкостями и различиями литературных течений и групп, Пешехонов в своих критических статьях ставил в один ряд совершенно разных писателей. Так, Леонид Андреев был оскорблен, увидев свое имя рядом с именами К. Чуковского и М. Арцыбашева. Об этом он заявил в своем письме самому Пешехонову. Отвечая писателю, Пешехонов, оговариваясь, что Андреев – один из немногих современных литераторов, которых он уважает, привел слова Н. К. Михайловского, своеобразной иконы народничества: «Талант – это только бутылка, и всякая в ней может быть жидкость» [5, л. 2]. Литературные и художественные формы, которыми виртуозно владели деятели «серебряного века» и которые подчас возводились в абсолют в ущерб содержанию, а главное, идее, для Пешехонова и его единомышленников – Н. Ф. Анненского, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева – действительно были пустым сосудом, бесполезным явлением. Более того – явлением вредным, отвлекавшим от реальности, общественной борьбы.

«Да, надо заново грады строить, – жаловался Пешехонов в 1907 г. своему другу В. А. Розенбергу, редактору «Русских ведомостей». – А как – никто не знает. А публика зачитывается... Саниными, Кузьминым и

приходит в неистовство от Айс. Дункан. Радикальные и толковые публицисты, живущие на гроши, по 15 рублей за билет платят! Это факт! Чепуха какая-то» [3, л. 6].

В 1909 г. публицист-народник то ли случайно, то ли намеренно посетил заседание литературного кабаре «Бродячая собака», знаменитого в то время места встреч представителей футуризма, «эгопоэзии» и других новейших течений «серебряного века». Завсегдатаи называли это заведение «обществом художественного интимного театра». Возмущение, которое испытал Пешехонов от увиденного и услышанного там, не поддавалось описанию. По свежим следам он написал для «Русского богатства» статью под красноречивым заглавием «Нищие духом и богатые бесстыдством».

«Мы хотим в наглядной форме показать, во что выродились пресловутые «искания», которыми увлеклась известная часть литературы и вместе с тем значительная часть читающей публики... Нет... моды ни на науку, ни на общественность... Попадают меткие словечки и яркие образы, несомненно, из памятников народной словесности разных веков и местностей, но в целом это какой-то винегрет... Подходит поэтесса, видимо, чувствующая себя здесь, как дома. Обращаюсь к ней, допытываюсь, в чем секрет... Она... шепчет:

– По правде сказать, мне кажется, что это вроде голого короля!

То есть никто еще не крикнул: «Да он голый!».

Пора, однако, уходить. Я еще раз оглядываю залу: на всех почти столиках не чай уж, а вино... Может быть, произойдет еще что-нибудь псиное или свиное...» [4, л. 2–11].

«Присмотритесь к нынешним литературным комбинациям, – писал А. В. Пешехонов, – максималисты, большевики и кошкодавы, символисты и реалисты, порнографы и моралисты; всем известные крупные таланты и усердно рекламируемые крупные бездарности...» [5, л. 3]. Все эти явления культурной бытности России начала XX в. он презрительно именовал «улицей».

Такое острое неприятие современной ему культурной жизни России теперь, наверное, мало у кого встретит сочувствие. Но у Пешехонова были свои, весьма определенные эстетические вкусы, отражающие

его цельную натуру народника. По воспоминаниям его жены, Алексей Васильевич в художественной сфере тяготел ко всему народному, а классическое искусство не жаловал: «в оперу и концерты не ходил, уверяя, что ему доступны только русские народные песни» [6, л. 7]. В этом, несомненно, проявились особенности культурного формирования Пешехонова как человека, выросшего в провинциальном захолустье. Черты этого влияния сохранились и в его устной речи с необычными для столичного интеллигента простонародными словечками и интонациями. Впрочем, возможно, иногда он умышленно вводил их в свой речевой оборот.

На фоне расцвета и многообразия литературы «серебряного века», оригинальности, новизны, подчас рискованной смелости тем, стилистических исканий и экспериментов традиционное народническое творчество казалось серым, безжизненным, «как сухощавая, черная дева лет под 40», – едко заметил В. В. Розанов. Не совсем неправ был мастер орнаментального стиля и в своих сердитых высказываниях в адрес «толстых» журналов «социал-демократов» (не вникая в политические оттенки, он всех народников зачислял в эту когорту), когда писал: «Таланта – нет, поэзии на страницах их толстых журналов – нет... Вся классическая литература прошла мимо них: остается «выжигать глаза» Пушкину, которому предпочитают Некрасова» [7, л. 1].

Это злое наблюдение не лишено смысла и применительно к Пешехонову. В целом же можно сказать, что с Пешехоновым произошла характерная для профессионального политика метаморфоза – сужение бескрайнего поля жизни до рамок политического измерения. Пешехонов выше всех русских поэтов ставил Некрасова, коего постоянно цитировал, а из прозаиков особенно жаловал Глеба Успенского, в котором ценил не художественность (она для него была второстепенна), а гражданский пафос. Да и сама работа в журнале, исключая литературоведение, стала своеобразной разновидностью политики, причем политики определенной идеологии, что заведомо предполагает заданный, односторонний подход к явлениям литературы и жизни.

Заключение. На примере А. В. Пешехонова, типичного представителя народни-

ческой мысли, можно увидеть, что неонародники «Русского богатства» были верны своим идеалам и традициям реализма, категорически не признавая новомодных эстетических веяний. Следует также заметить, что для них, людей практического, более того, прозаического склада, художественная культура, искусство явно проигрывали политике, общественной жизни. Сама же культура, по их мнению, обязана служить интересам трудового класса, следуя формуле «Все для народа, все через народ». Эта односторонность вызывала острую ответную критику со стороны оппонентов – писателей «серебряного века», тех, чье творчество последователи народничества не могли принять. Однако, несмотря на такую эстетическую негибкость, своей гражданской позицией, искренней любовью к русскому

народу и его культуре, непрерывным и от-важным служением России неонародники, в том числе А. В. Пешехонов, заслуживают глубочайшего уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурология. Теория и история культуры: учеб. пособие / под ред. В. И. Добрыниной. – М.: Общество «Знание», 1996. – 272 с.
2. Лутохин, Д. А. Зарубежные пастыри / Д. А. Лутохин // Минувшее. – Т. 22. – М., 1997.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). – Фонд 251. – К. 18. – Д. 34.
4. ОР РГБ. – Фонд 225. – К. 1. – Д. 9.
5. ОР РГБ. – Фонд 225. – К. 1. – Д. 36.
6. ОР РГБ. – Фонд 225. – К. 4. – Д. 64.
7. ОР РГБ. – Фонд 225. – К. 4. – Д. 67.
8. Пешехонов, А. В. На очередные темы. Времяпрепровождение / А. В. Пешехонов // Русское богатство. – 1909. – № 5. – С. 139–167.

Поступила в редакцию 29.12.2012 г.